

DOI: 10.31857/S032150750011107-9

ИРАК СЕГОДНЯ: НА ПУТИ К СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ НОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ КРИЗИСАМ?

© 2020 С. АЛЕКСАНДРОВ, Е. САВИЧЕВА

АЛЕКСАНДРОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, востоковед, эксперт (si0506_53@mail.ru)
САВИЧЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов (savicheva@mail.ru)

Резюме. Рассматривается социально-экономическая и политическая ситуация в Ираке в последние годы, анализируются детерминирующие ее внутренние и внешние факторы, в числе которых смены руководства, массовые протесты, этноконфессиональные конфликты, террористическая угроза, внешние воздействия. Особое внимание уделяется деятельности иракской политической элиты, от которой зависит судьба страны - достижение национального согласия и стабильности, либо политический хаос и угроза развала страны. Оценивается стартовый этап деятельности вновь избранного иракского премьера М.аль-Каземи.

Ключевые слова: Ирак, социально-экономическая ситуация, нефть, кризис, конфликты, массовые протесты, стабильность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 «Модели сотрудничества на Ближнем и Среднем Востоке в контексте конфликтного потенциала региона в первой четверти XXI века».

IRAQ TODAY: ON THE WAY TO STABILITY OR NEW POLITICAL CRISES?

Sergey A. ALEKSANDROV, PhD (History), Orientalist, expert (si0506_53@mail.ru)
Elena M. SAVICHEVA, PhD (History), Associated Professor, Peoples' Friendship University of Russia (savicheva@mail.ru)

Abstract. The article focuses on socio-economic and political situation in Iraq in recent years. The authors consider the internal and external factors determining the political and socio-economic situation in the country, including the change of leadership, mass protests, high unemployment, especially among the young people, ethno-confessional conflicts, the terrorist threat, external influences.

The situation in the country was significantly aggravated by the collapse of world energy prices. The authors note a number of serious problems and difficulties that the Iraqi society have faced recently - distancing of the Iraqi Sunnis from the authorities, the destructive acts of the «Islamic State» (ISIS) on a part of the national territory, difficulties in the relationship between the central authorities and the Kurdish autonomy.

The prospects for relations between Baghdad and the United States and Iran are considered in separate contexts, but in a coherent logical relationship. Particular attention is paid to the activities of the Iraqi political elite which determine the fate of the country - either achieving national harmony and stability, or political chaos and the threat of collapse of the state. The starting stage of the activities of the newly elected Iraqi Prime Minister M. al-Kazemi is assessed. On the whole experts positively assess his activities, but they never tire of warning - his cabinet will have to deal with so many diverse and powerful challenges, including those that little depend on Iraq itself.

Keywords: Iraq, socio-economic situation, oil, crisis, conflicts, mass protests, stability

Современная история государства Ирак демонстрирует столько парадоксов, что это можно считать чрезмерным даже для Ближнего Востока с его обилием противоречий и контрастов.

ПАРАДОКСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СУДЬБЫ

Эта арабская страна со стремительно растущим населением (на настоящее время - 43 млн человек) занимает 5-е в мире и второе среди членов ОПЕК место по добыче нефти, непрерывно наращивая соответствующие показатели (предостаточно здесь и газа, но до него пока, как говорится, «руки не дошли»). При этом большинство жителей лишено доступа к общепринятым социальным благам и страдает от неудовлетворительных условий жизни. За последние десятилетия Ирак не раз переживал разрушительные события - на-

силственную смену режима, масштабные боевые действия, этноконфессиональные конфликты, действия боевиков «Исламского государства» (ИГИЛ) и другие террористические угрозы, внешние санкции, массовые протесты.

Однако перечисленные катаклизмы практически не коснулись динамично развивающейся нефтяной сферы. Налицо разительный контраст, когда на протяжении десятилетий сочетается низкий уровень жизни большинства граждан и устойчивый прогресс в области нефтедобычи (вопреки неоднократным ограничениям по линии ОПЕК и затем ОПЕК+). Иракцы винят в таком положении власти - и не просто очередное правительство, а национальную элиту в целом, погрязшую в бесконечных распрях и чудовищной коррупции.

Другой характерный штрих: иракский рынок труда ежегодно пополняется на 800 тыс. молодых

людей, подавляющее большинство которых присоединяется к миллионам соотечественников, не находящих применения у себя на родине. Безработица на конец 2019 г. составляла 20%, а среди молодежи - 25%. По расчетам Всемирного банка, только восстановление 7 иракских провинций, затронутых недавней войной с ИГИЛ, потребует \$90 млрд и не менее 5 лет интенсивной работы, при том что в стране не восстановлено многое из разрушенного еще во времена американского вторжения (с 2003 г.). Составленный *Transparency International*, «международный индекс восприятия коррупции» (версия 2018 г.) поставил эту страну на 168-е место из 180, фигурирующих в рейтинге [1].

Что касается отсутствия положительной социально-экономической динамики, то багдадское руководство привычно оправдывает это тем ущербом, который в свое время был нанесен «Исламским государством», а также необходимостью следовать жестким рекомендациям МВФ (секвестр для работников по госнайма в части зарплаты и их численности, ужесточение налогообложения и т.д.).

Неблагополучное состояние социально-экономической сферы страны объясняют также падением в середине десятилетия мировых цен на энергоносители. Впрочем, и в прежний, более благополучный для Ирака, период бюджетные поступления расходовались на иные цели - такие, как содержание неимоверно раздутого административного аппарата, а также курдской автономии, но более всего - «на оборону и безопасность», тогда как на самом деле финансы расхищались до «хлебных» должностей кланами, уходили на содержание иррегулярных «гвардий» и иные далекие от общественных нужд цели [2; 3].

Последствия от вторжения в Ирак в 2003 г. американской армии не ограничились свержением режима Саддама Хусейна и демонтажом подчиненной ему военно-государственной машины. Оставшись без вождя-диктатора, более трети века правившего здесь железной рукой, страна погружилась в пучину внутренних конфликтов. Вашингтон между тем занялся насаждением на багдадской почве «системы представительной демократии», считая в дальнейшем свою политическую миссию выполненной. Но затем что-то пошло не так: вывод основного американского контингента в 2011 г. не стимулировал иракское государство к обновлению и развитию, зато еще шире отворил «ящик Пандоры», переполненный острыми проблемами - экономическими и социальными, политическими и этноконфессиональными...

Структура государственной власти в Багдаде функционировала в условиях перманентной «пожарной» обстановки - ситуация, более чем удобная для влиятельных кланов и прочих коррупционеров, засевших во властных органах начиная

с парламента, но не пригодная ни для чего конструктивного. Дистанцирование иракских суннитов от власти, разрушительные деяния ИГИЛ на части национальной территории, сложности во взаимоотношениях между центральными властями и курдской автономией. Это и многие другие негативы становились уделом очередного правительства и переходили как бы по наследству к следующему, причем без видимых перемен к лучшему [4].

ОТ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ

В октябре 2018 г. (после 5-месячного периода «безвременья», когда президентское кресло в иракской столице пустовало) избранный посредством парламентской процедуры на высший государственный пост курдский деятель Бурхан Салих назначил руководить кабинетом опытного политика и экономиста, а также экс-вице-президента страны Аделя Абдель Махди. Такое назначение состоялось, во многом, благодаря договоренности двух крупнейших парламентских фракций - подчиняющегося харизматичному шиитскому проповеднику-популисту Муртаде Садру альянса «Ас-Саирун» и блока «Фатх» под руководством Хади аль-Амери, который представляет интересы «зонтичного» объединения проиранских ополчений «Аль-Хашд аш-Шаабий». Впрочем, весьма внушительная политическая поддержка не помогла А.А.Махди преуспеть на своем посту. Кроме дежурно-бесплодных заявлений должностных лиц, этот период запомнился разве что экзотическим скандалом вокруг иракского министра обороны Н.аш-Шамари: случайно обнаружилось, что он сочетает высокую национальную должность со статусом беженца в Швеции, куда ежегодно ездит с семьей за полагающимся пособием по безработице.

Минул год, и негодование иракского населения из-за тяжкого экономического положения и разгула коррупции вылилось в ожесточенные массовые протесты. С начала октября 2019 г. события приняли характер стихии, в которой главной движущей силой выступала безработная молодежь, называющая себя «поколением без будущего». Поначалу требования митингующих касались удовлетворения элементарных потребностей населения в электро- и водоснабжении, медобслуживании и проч., восстановлении разрушенной инфраструктуры, воссоздании рынка труда и т.д. Притом требования носили не локальный, а общенациональный характер, что трактовалось некоторыми наблюдателями как своеобразное проявление местного патриотизма (в том понимании, что Ирак еще не так давно был региональной державой и имел достижения, преданные нынешними правителями).

С другой стороны, массовость и эмоциональность народных выступлений «обнулялась» отсутствием как координации действий, так и «руководящей и направляющей силы». После того, как силовики (сначала официалы, а потом раз за разом «неопознанные вооруженные лица») стали применять к митингующим жесткие и нередко летальные средства подавления, выступления только усилились, а требования «улицы» приобрели политический характер. Прозвучали призывы к пересмотру конституции и закона о выборах, роспуску недееспособного парламента, обузданию полуразбойничьих милиций, недопущению в политику клерикалов, наказанию казнокрадов и т.д.

Вдобавок заметно усилились антииранские настроения: митингующие обвинили «власти держащие» в том, что ими манипулирует Тегеран - и для таких заявлений находились обоснования. Например, в один голос говорилось о причастности к нападениям на демонстрантов в Багдаде и других местах здешних проиранских «прокси» - отрядов, которые особо опекаются из Тегерана. Эти вооруженные формирования насчитывают порядка 250 тыс. чел. (под «зонтичной» эгидой ополчения «Аль-Хашд аш-Шаабий») и располагают более внушительным потенциалом по сравнению с «силовым сообществом» от государства.

Параллельно с силовыми формированиями оформился лагерь проиранских сторонников и на политическом поле, который стал доминировать в местной властной оргструктуре, скроенной по американским лекалам. Эксперты на Западе усматривают в поведении Ирана сугубый практицизм: дескать, он числит основными своими противниками США, Израиль и Саудовскую Аравию и оттого имеет большие виды на Ирак как важнейшее из звеньев создаваемого им «шиитского пояса». Так или иначе, но описываемые события показали, что перспектива превращения Ирака в иранского сателлита воспринимается жителями неоднозначно, а многими и враждебно. Хотя большинство из них (56%) - арабы, принадлежащие к общей с иранцами шиитской ветви ислама, но именно в этой численно преобладающей среде наблюдатели усматривают популярность идей иракского патриотизма и распространение протестных настроений.

Вместе с тем, значительные сегменты иракского социума остались за рамками протестного движения, хотя к беспроblemным их вряд ли можно причислить. Например, не засветились в этих событиях здешние курды (как в рамках национальной автономии, так и за ее пределами - а в целом это примерно 20% населения страны). То же можно сказать и об арабах-суннитах (последних порядка 15% - в точной статистике власти определенно не заинтересованы). Будучи когда-то главной опорой режима С.Хусейна, эти люди после

его свержения оказались ущемлены в правах и получают помощь от центрального правительства по остаточному принципу. Вдобавок те из них, кто проживает на западе и северо-западе страны, зачислены властями в «игиловских пособников» и влечат бесправное существование в качестве заключенных и перемещенных лиц. В этой связи некоторые эксперты предупреждают, что тем самым багдадские власти своими руками создают базу для дальнейших проявлений терроризма.

ОТСТАВКА ЗА ОТСТАВКОЙ

6 октября 2019 г. спикер иракского парламента Мухаммед Халбуси назвал уличные требования «услышанными». Что касается премьера А.А.Махди, который до того вяло реагировал на события и уверял явившуюся к нему депутацию от митингующих, что «чудес не бывает», то он тут же представил внушительную с виду «программу развития» из 17 пунктов. Но поскольку по части исполнения там не уточнялось ничего, «улица» восприняла документ как очередное упражнение в пустословии. Стихийные протесты, между тем, продолжились - только за первые 5 месяцев беспорядков погибло 700 человек и пострадало более 20 тысяч.

29 октября 2019 г. А.А.Махди подал в отставку; месяцем позже парламент назначил его же и.о. «технического премьера» (в какой роли ему пришлось оставаться еще около полугода). На фоне этого, а также одновременно обострившейся на иракской почве конфронтации Ирана и США, перспектива решения проблем населения отдалась на неопределенную перспективу. Тем временем в политических кругах Багдада продолжали бушевать немалые страсти на почве сталкивающихся групповых интересов, что не позволяло определиться ни с новыми министерскими кандидатурами, ни тем более с обещанным реформированием политической системы. Вместе с тем, 24 декабря парламент после долгих проволочек принял новый закон о выборах, что являлось одним из главных требований иракской «улицы».

В первые месяцы 2020 г. протесты продолжились (особенно в Багдаде), а США и Иран после убийства американцами в багдадском аэропорту 3 января с.г. ключевого иранского военно-политического куратора Касема Сулеймани интенсифицировали взаимный обмен ракетными ударами на иракской территории. На этом фоне, после четырех месяцев бурных парламентских дебатов и закулисных интриг, президент Бурхан Салех практически «продавил» кандидатуру бывшего министра коммуникаций Мухаммеда Тауфика Алауи, утвердив его главой временного кабинета министров 2 февраля 2020 г. Сделано это было, как говорят шахматисты, «на флажке»: еще немного проволочек - и по закону парламент подлежал роспу-

ску, что не отвечало интересам «прозаседавшей» правящей прослойки. Новоназначенный руководитель декларировал многообещающие приоритеты деятельности будущего кабинета (в целом повторяя предшественника).

Однако по истечении положенного месячного срока он не смог согласовать его состав (хотя несколько раз пытался провести министерский список через парламентское «сито») и сдал полномочия, а кризис государственной власти в Ираке продолжился. Уставший от бессменной вахты «технический премьер» А.А.Махди тогда же предостерег от «конституционного и административного вакуума», в котором оказывается государство ввиду неспособности организовать досрочные парламентские выборы.

17 марта с.г., снова в обстановке цейтнота, президент назначил на премьерский пост Аднана Зарфи (бывшего губернатора и депутата, обладателя гражданства США). Но 9 апреля и он взял самоотвод, по его заявлению - «с учетом внутренних и внешних обстоятельств», а по версии комментаторов - приняв к сведению недоброжелательный настрой со стороны Тегерана и его местных «прокси». Всё происходило на фоне беспрестанных междоусобиц между соперничающими силами в парламенте - теми же альянсами «Сайрун» и «Фатх», а также «Наср» и прочих. Получалось, что «система представительной демократии» вновь завела местный феодально-клановый «политический класс» в тупик.

Наряду с этим, Ирак оставался отягощен другими острыми проблемами. После убийства ключевого иранского куратора генерала Касема Сулеймани власти в Багдаде заявили о свертывании сотрудничества с «антитеррористической коалицией» США (хотя позднее его возобновили, пусть и в ограниченных масштабах). США, со своей стороны, по-прежнему стремятся к многоцелевому использованию иракской территории (в первую очередь, применительно к главным американским оппонентам - Ирану и Сирии). В марте силы США и их противники - проиранские формирования продолжали обмен ударами с воздуха по базам и местам дислокации (только за указанный месяц было трижды обстреляно американское посольство в Багдаде, а в начале апреля впервые - объекты американской нефтяной компании на юге страны). Вашингтон адресовал претензии на этот счет багдадским властям, хотя у тех не было рычагов воздействия на ситуацию. Симптоматично, что практически все союзники США по коалиции заявили тогда же, в марте, о выводе своих контингентов [5].

Но иранцы не собирались уступать иракский плацдарм. Внимание экспертов привлёк негласный визит в Багдад 31 марта заместившего покойного Сулеймани нового командующего силами «Кудс» Корпуса стражей Исламской революции

(КСИР) И.Каани, который обсудил с иракским руководством, помимо прочего, вопросы формирования нового правительства в Багдаде и сообщил позицию Тегерана в этой связи. Из этого следует, что фактор иранского влияния применительно к политическим процессам в Багдаде по-прежнему остается определяющим.

Между тем, в ряде иракских провинций (особенно в труднодоступных пустынных и горных зонах) по-прежнему фиксировалась деятельность боевиков ИГИЛ. Власти рапортовали о спецоперациях, на которые игилловцы отвечали своими акциями, в т.ч. в столичном районе. Оставались и сложности во взаимоотношениях центрального правительства с руководством Курдской автономии.

Проблема *COVID-19* применительно к Ираку следует рассматривать с учетом как соседства с Ираном, считавшимся совсем недавно «эпицентром заразы» в регионе, так и неготовности систем национального здравоохранения к отражению пандемической угрозы. Первый случай заражения в стране был выявлен 24 февраля. С марта власти постепенно вводили чрезвычайные меры, включая комендантский час. Но это совпало с очередными шиитскими мероприятиями, когда толпы верующих вопреки предостережениям духовных авторитетов двинулись к местам поклонения в Кербеле и Неджефе, игнорируя кордоны силовиков. Позднее из неподтвержденных источников поступила информация о крайне тревожной статистике, будто бы утаиваемой властями.

По данным ВОЗ, в Ираке на каждые 10 тыс. чел. приходится всего 8 медработников, а вся сфера здравоохранения пребывает в удручающем состоянии (это наглядно показал инцидент с массовым отравлением некачественной водой в Басре осенью 2018 г.) [6]. Отмечены и общественные волнения из-за того, что властями не принято должных мер по закрытию КПП на границе с Ираном (их более 20), тогда как первая волна заражений фиксировалась именно по въехавшим оттуда [7]. Только в начале апреля, уже в условиях начавшейся эпидемии, руководители протестного движения приняли решение о приостановке массовых акций. Что касается реакции официальных инстанций, то объяснить низкие весенние показатели заболеваемости для Ирака (как и для соседней Сирии) затруднялись даже специалисты, а тема пандемии обсуждалась скорее под углом ее влияния на экономику.

Наряду с этим, ситуацию в стране заметно ухудшило обрушение мировых цен на энергоносители. По данным Министерства нефти Ирака, уровень доходов от ее продажи только за март 2020 г. упал вдвое (иракское «черное золото» в тот момент котировалось на международном рынке на уровне около \$20 за баррель против \$61 еще в конце января) [8]. Но и в таких условиях в Баг-

даже не видели иного выхода, кроме как наращивать добычу (в основном усилиями иностранных компаний) и сохранять обширную географию поставок. Эксперты, между тем, предупреждали о грозящих населению катастрофических трудностях, ведь нефтеторговля до сих пор обеспечивала 90% экспортных поступлений и 66% доходной части бюджета.

Финансовая «подушка безопасности» так и не была создана, громадные деньги оказались съедены вездесущей коррупцией, а шансов сыграть «в свою игру» на мировом энергетическом рынке у Ирака нет. Создалось впечатление, что правящая элита не способна противопоставить нарастающему хаосу в Ираке практически ничего, кроме сокрытия истинного масштаба бедствий. При этом некоторые регионы (в частности, с суннитским населением) фактически давно оставлены властями на произвол судьбы. Исходя из этого, нарастающая опасность, что в недалеком будущем страну могут ожидать большие потрясения с труднопредсказуемыми последствиями, зависящими, в большой степени, от поведения внешних игроков.

КАБМИН СФОРМИРОВАЛИ С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ. КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ?

9 апреля (в третий раз за два с половиной месяца) последовало президентское назначение очередного премьера: на сей раз им стал руководитель иракской разведывательной службы 53-летний Мустафа аль-Каземи. О его шансах на успех наблюдатели высказывались осторожно. И неудивительно: по ходу кризиса рассматривался ряд кандидатур, и аль-Каземи однажды уже фигурировал среди отвергнутых. Что касается иракской «улицы», то газета «Аль-Араби аль-Джадид» транслировала скептический настрой: дескать, этот и другие выдвигавшиеся деятели, будь то проамериканской ориентации или проиранской - все на одно лицо, а обещания их мало чего стоят. Народ желает правительство, приверженное национальным интересам [5].

По-настоящему «прорывное» событие случилось месяц спустя, 7 мая: новоиспеченному премьеру удалось-таки, в отличие от предшественников, заручиться в парламенте вотумом доверия по составу кабинета министров (5 из 22 министерских вакансий были заполнены месяц спустя - 6 июня). Притом соперничающие депутаты (особенно проиранские) всё так же нагнетали страсти и разжигали дискуссии, на ходу меняли позицию и т.п. Считается, что решающим фактором, предопределившим успех М.аль-Каземи, будто бы явилось согласие Ирана, который тем самым дистанцировался от неконструктивного поведения своих же сателлитов, претендующих на гегемонию в политической элите Ирака. Кроме того, аль-Каземи заручился поддержкой суннитских и курдских

депутатов, связывающих с ним надежды на поддержание межконфессионального баланса во власти.

Этот момент совпал с заметным снижением градуса конфронтации на иракской почве между Вашингтоном и Тегераном, из чего некоторые аналитики сделали вывод о компромиссе соперничающих держав в пользу аль-Каземи как обоюдно приемлемого кандидата. Другие авторы расценили факт обретения Ираком правительства как «сугубо национальное решение», а некоторые поспешили преподнести как «свидетельство гибкости демократической системы», до этого не приносившей стране пользы [9; 10].

Характеризуя личность нового премьера, отметим его особые качества, каковыми не обладали предшественники. Так, считается, что он, выходец из достаточно скромной столичной шиитской семьи, не связан с политическими блоками и религиозно-клановыми элитами, которые вызывают у иракской «улицы» устойчивую антипатию. Не замечен в причастности к сомнительным политическим играм и коррупционным схемам. 4 года назад был привлечен президентом Б.Салехом (как говорят, будто бы с одобрения авторитетного куратора - покойного К.Сулеймани) к руководству Национальной разведывательной службой (*INIS*). Потом оставался в тени, но продемонстрировал умение находить решения в нелегких ситуациях - в частности, координировать усилия в сфере контртеррора с такими, казалось бы, несовместимыми партнерами, как спецслужбы Ирана, США и КСА. М.аль-Каземи отметился высказываниями о том, что Ирак не должен превращаться в «задворки для Ирана», становиться местом сведения счетов ради чужих интересов, а также критиковал ущемление в правах местных суннитов под предлогом «дебаасизации» [11].

Хотя местные критики не преминули учесть этого бывшего политэмигранта, журналиста и политолога в прозападной ориентации, но другие сразу отдали должное его прагматизму, умению договариваться и соблюсти равноудаленность от конкурирующих сил. В итоге, образование правительства во главе с аль-Каземи было воспринято большей частью местного политического спектра и внешними акторами с заметным облегчением и надеждами на мирное подведение Ирака к парламентским выборам [9]. Однако же это никоим образом не отменяет огромного объема трудностей и вызовов, которые предстоит преодолеть иракскому обществу на этом пути.

Представленная М. аль-Каземи программа действий содержит перечень приоритетных обязательств: подготовка к досрочным выборам, борьба с коррупцией как первопричиной народного недовольства, проведение административных реформ, выправление ситуации в экономике и финансах, противодействие угрозам и укрепле-

ние безопасности, приверженность демократическим ценностям и т.д. [12; 13]. Как полагают эксперты, «режим наибольшего благоприятствования» для аль-Каземи если и авансировался, то лишь на самых первых порах. А далее, вероятнее всего, мощное проирано-шиитское лобби во властных структурах (начиная с парламента в его пока прежнем составе) примется навязывать свои условия и установки, что, безусловно, осложнит жизнь новому кабинету [12]. Нельзя исключать, с одной стороны, вынесение вотумов недоверия отдельным министрам или кабинету в целом, с другой - и новых протестных выступлений иракской «улицы».

С самого начала новый руководитель кабинета обозначил необходимость решения такой нелегкой задачи, как поэтапная реорганизация вооруженных милиций (формально числящихся в «Силах народной самообороны», т.е. «Аль-Хашд аш-Шаабий»), имея в виду их постепенный перевод под эгиду общенационального командования и встраивание в общую силовую структуру, перенацеливание на конкретные задачи, а при необходимости и «принуждение к подчинению» [14]. Не случайно, что одним из первых решений премьера аль-Каземи стали кадровые замены в силовом блоке, включая назначения на ключевые посты генералов с западной выучкой, а также спецмероприятия в целях пресечения противоправной деятельности ополченских командиров [15].

В этом же первостепенном силовом контексте следует упомянуть и о непрекращающихся вылазках игиловцев, что стало убедительным поводом и веским аргументом нового лидера добиваться от иракского «вооруженного сообщества» должного уровня подчинения, дисциплины и координации [16]. В этой же связи обращает на себя внимание обоюдная «демонстрация силы», устроенная 25-26 июня Контртеррористической службой Ирака и «Катаиб Хезболла» (крупнейшее боевое ополчение в рамках «Аль-Хашд аш-Шаабий»): они обменялись в столице силовыми акциями с захватом объектов и пленных. Судя по эмоциональному «разбору полетов», который последовал постфактум (не обошлось без физических угроз в адрес премьера, а его советника по вопросам антитеррора Хишама аль-Хашими 6 июля застрелили у собственного дома), основные события в части «межвойскового славивания» здесь еще предстоят.

Мустафе аль-Каземи придется учитывать и требования участников массовых выступлений. СМИ отмечают, что он стал первым из череды багдадских руководителей, кто установил с протестующими регулярный контакт и тем самым добился минимизации массовых выступлений по стране [9]. Но реформы, на которые он сейчас мог бы пойти - не более чем поверхностно-косметические, а об их углублении можно

рассуждать только в крайне неопределенной перспективе (например, относительно пересмотра политической системы и электорального законодательства).

На очереди и ряд других вопросов, не терпящих отлагательств. Например, огромный бюджетный дефицит, одной из главных причин которого - малопродуктивный госсектор с раздутым штатным составом и непомерными зарплатными расходами - острейшая проблема безработицы и прочая «социалка».

Над блоком экономических задач довлеет обвал цен на мировом углеводородном рынке, откуда, как уже отмечалось, Ирак черпает более 90% доходов. Согласно прогнозу МВФ, иракский ВВП в текущем году должен «просесть» на 4,7%, а ВБ опускает аналогичный показатель до уровня 9,7%. По данным лондонского Института региональных и международных исследований (IRIS), иракские нефтяные доходы, достигавшие в 2019 г. отметки в \$90 млрд, в текущем году уменьшатся примерно вполтину [8]. При такой резко просевшей конъюнктуре правительству в Багдаде ничего не остается, кроме как пытаться удержать экономику и с нею само государство от сползания в бездну, а социальную среду - от разрушительных потрясений. При этом никак не избежать жестких решений, наподобие урезания зарплат и пособий для бюджетников, а также сокращения их численности. Вариант обращения за международной помощью осложнен тем, что Ирак снискал на этом уровне репутацию необязательного партнера (вследствие игнорирования определенных для него по линии ОПЕК квот нефтедобычи, несоблюдения обещаний провести реформы, на которых настаивает МВФ и т.д.).

Тема разногласий Багдада с администрацией Иракского Курдистана в последние годы обсуждается в контексте спора о распределении доходов от продажи добываемой в регионе нефти. Поддержав М.аль-Каземи в парламенте, курды рассчитывали на его гибкость в сравнении с предшественниками, а также на дружественное посредничество Запада. Ожидания отчасти оправдались: между Багдадом и Эрбилем «в кои-то веки» завязался предметный диалог.

Перспективы взаимоотношений Багдада с США и Ираном рассматриваются экспертами в отдельных контекстах, но в слитной логической взаимосвязи. В частности, упоминается о начавшемся американо-иракском «стратегическом диалоге», подразумевающем вероятность «перезагрузки» двусторонних отношений, начиная с военной области. Вашингтон видит в новом премьер-ре гораздо более приемлемого собеседника по сравнению со всеми предшественниками и демонстрирует готовность к содействию. Так, согласно оценке профессора Рахмана Джубори из Американского университета в Сулеймании (Иракский

Курдистан), Вашингтон весьма удовлетворен появлением на руководящем посту в Багдаде светского деятеля, дистанцированного от воинствующих клерикалов [9].

Что касается сотрудничества с Тегераном, о потере им бывшего влияния на Багдад говорить, по-видимому, не приходится. Однако имеются факты, свидетельствующие о тенденции нового иракского правительства к самостоятельности. Так, министерские контакты Багдада с Эр-Риядом и Эль-Кувейтом в конце мая с.г. можно расценивать как стремление уменьшить зависимость от Ирана (откуда Ирак пока вынужден импортировать для своих социально-бытовых нужд газ, электричество и даже питьевую воду). Монархии Персидского залива также согласились уступить Ираку долю от своих квот по нефтедобыче, ранее установленных в рамках ОПЕК+ [17].

* * *

Исследователи, в целом, позитивно оценивают стартовый этап деятельности иракского премьера М.аль-Каземи, но не устают предостерегать: его кабинету придется иметь дело с таким количеством разнообразных и мощных вызовов (включая такие, где от самого Ирака мало что зависит), что строить конкретные прогнозы, а министрам выдавать обещания в таких сложных условиях - занятие сомнительное. Ведь в финансово-экономическом плане Ирак сейчас находится в более худшем положении, нежели в первые годы после свержения режима С.Хусейна [3]. Заявивший об этом в конце июня с.г. 73-летний Али Абдель-Амир Алауи был в середине «нулевых» министром финансов Республики Ирак, а теперь назначен на данный пост вновь. Кому же знать, как не ему.

Список литературы / References

1. Caroline Alexander. What to Know About the Massive Protests Roiling Iraq. October 9, 2019. <https://www.yahoo.com/news/iraq-break-violence-brief-economy-155859703.html> (accessed 28.06.2020)
2. Ghassan Adnan and Isabel Coles. Protesters Rise Up Over Iraq's Missed Economic Opportunities. *The Wall Street Journal*. 2019. October 6. <https://www.wsj.com/articles/protesters-rise-up-over-iraqs-missed-economic-opportunities-news/Iraq> (accessed 28.06.2020)
3. Without Urgent Reform, Iraq Economy will Face Irreparable Shocks: Finance Minister to AFP. <https://www.yahoo.com/news/iraq-break-violence-brief-economy-155859703.html> (accessed 28.06.2020)
4. Подробнее о правительственной деятельности под руководством выдвиженцев партии «Ад-Даава» Н.аль-Малики (2006-2014 гг.) и Х.аль-Абади (2014-2018 гг.) см.: Мамедов Р. Ирак. Формирование государственных институтов 2005-2018. Долгий путь к национальному согласию. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 11. (Mamedov R. 2018. Iraq. Formation of State Institutions 2005-2018. A Long Way to National Consensus. *Asia and Africa today*. No. 11 (In Russ.))
5. Dialogue between Baghdad and Washington: expected and desired for both sides (In Arab.). <https://www.alaraby.co.uk/politics/2020/4/11/> (accessed 01.06.2020)
6. Alex MacDonald. Coronavirus: Iraqi Doctors Warn of Healthcare Collapse if Cases Continue to Rise. *Middle East Eye*. 2020. 31 March. <https://www.middleeasteye.net/news/coronavirus-iraq-doctors-warn-healthcare-collapse-if-cases-continue-rise> (accessed 01.06.2020)
7. Hussein Solomon. The Impact of Covid-19 on the Middle East and North Africa. *The Jerusalem Center for Public Affairs*. 2020. April 12. <https://jcpa.org/article/the-impact-of-covid-19-on-the-middle-east-and-north-africa> (accessed 14.06.2020)
8. Mona Alami. Hard Choices for the Iraq's New Government. *Al-Arabiya English*. 2020. 19 May. <https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2020/05/19/Hard-choices-for-the-new-iraqi-government.html> (accessed 28.06.2020)
9. Alissa J. Rubin. Iraq Chooses New Prime Minister, an Ex-Intelligence Chief Backed by U.S. *New-York Times*. 2020. May 6. <https://www.nytimes.com/2020/05/06/world/middleeast/iraq-prime-minister-mustafa-khadimi.html> (accessed 01.06.2020)
10. Katherine Lawlor, Brandon Wallace. Iraq Situation Report: April 29 -May 5, 2020. Institute for the Study of War. 2020. May 8. <http://www.understandingwar.org/backgrounder/iraq-situation-report-april-29-may-5-2020> (accessed 01.06.2020)
11. Namo Abdulla. Iraq's New PM Was Once Critical of Country Seen as 'Iran's Backyard'. *Voice of America - News*. 2020. May 22. <https://www.voanews.com/extremism-watch/iraqs-new-pm-was-once-critical-country-seen-irans-backyard> (accessed 28.06.2020)
12. Farhad Alaaldin. Iraq's New Dawn: A New Government and A New Political Reality. *The Washington Institute - Fikra Forum*. 2020. May 11. <https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/Iraq-Kadhimi-government-parliament-prime-minister> (accessed 28.06.2020)
13. Eli Lake. Iran is Losing its Grip in Iraq. *Bloomberg Opinion*. 2020. May 10. <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-05-10/new-iraqi-prime-minister-shows-that-iran-losing-its-grip-in-iraq> (accessed 28.06.2020)
14. Michael Knights, Hamdi Malik, and Aymenn Jawad Al-Tamimi. The Future of Iraq's Popular Mobilization Forces. *The Washington Institute: Policy Analysis*. 2020. May 28. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-future-of-iraqs-popular-mobilization-forces> (accessed 28.06.2020)
15. Katherine Lawlor, Brandon Wallace. Iraq Situation Report: May 6-12, 2020. Institute for the Study of War. 2020. May 15. <http://www.understandingwar.org/backgrounder/iraq-situation-report-may-6-12-2020> (accessed 28.06.2020)
16. Sajad Jiyad. ISIS is Making a Comeback, and Iraq's Government May not be Able to Handle it. *Business Insider, World Politics Review*. 2020. June 7. <https://www.businessinsider.com/iraq-may-not-be-able-to-handle-renewed-isis-attacks-2020-6> (accessed 28.06.2020)
17. Katherine Lawlor, Brandon Wallace. Iraq Situation Report: May 20-26, 2020. Institute for the Study of War. 2020. May 30. <http://www.understandingwar.org/backgrounder/iraq-situation-report-may-20-26> (accessed 28.06.2020)